

А.А. Лазаревич (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Проблема идентичности выступает одной из самых актуальных тем социального анализа и гуманитарных наук. Во второй половине XX века вопросы, так или иначе касающиеся идентичности, стали привычными направлениями исследования в научных сообществах большинства стран мира, включая постсоветское пространство. Более того, именно для государств, образовавшихся после распада СССР, эта тема приобрела особую актуальность.

В силу ряда исторических причин на протяжении существования советского государства вопросы самоопределения наций достаточно эффективно решались в рамках сложившейся государственной идеологии. Проблема национальной идентичности, как таковая, не стояла перед государствами, входящими в состав СССР. Все изменилось после распада Советского Союза. На пути демократизации и построения рыночной модели экономики, молодые государства столкнулись с рядом серьезных проблем. Экономический и политический кризис, который переживали образовавшиеся независимые республики, усугублялся и кризисным состоянием культуры. Разрушение существовавшей ранее идеологической системы привело к состоянию аномии, которое подробно описал классик социологической мысли Э. Дюркгейм. Культурный плюрализм, диффузия ценностей и идеалов, стремительные социальные трансформации – все это привело к тому, что центральным в общественном сознании стал вопрос о самоопределении. Именно в этом контексте проблема национально - культурной идентичности кристаллизовалась в сознании белорусского народа и искала свое отражение в научных исследованиях. Главной задачей ученых на тот момент являлся поиск ответа на вопросы о том, что такое национальный суверенитет и самостоятельное белорусское государство, кто такие белорусы, в чем их отличие от других народов, каково место белорусов в мире, что такое «белорусскость» и т.п.

Как результат, сложилось несколько концепций, касающихся белорусской национальной идентичности. Эти концепции развивались в рамках двух основополагающих подходов. Первый подход был основан на историко-культурных традициях и ценностях, к которым апеллировали представители белорусской культурной элиты. Суть этого подхода заключалась в признании важнейшего значения национального самосознания, строящегося на знании своих корней, этнокультурных традиций, исторического, в первую очередь досоветского, прошлого как инструментов радикальной реконструкции настоящего. Исключительная роль отводилась белорусскому языку. Языковой «маркер», по существу, выступал основным принципом разделения населения на белорусов и небелосов, что на тот период времени выступало, скорее, разделительным, но не консолидирующим фактором белорусской нации.

Второй подход основывался на главных задачах формирующейся государственной идеологии, стремящейся гармоничным способом совместить существовавшие ранее социалистические идеалы с новыми культурными обстоятельствами. Такой подход разделялся в основном представителями русскоговорящей интеллигенции

теллигенции, людьми старшего поколения, поддерживался структурами власти, заинтересованными в сохранении политической и социально-экономической стабильности. Это был разумный компромисс между советским прошлым, верой в социалистическую идею и вызовом стремительно врывающегося неопределенного будущего.

Если в рамках первого подхода приоритетное значение приобретали такие феномены как национальный язык и национальная культура, часто понимаемая в узком смысле как фольклор, то для второго характерна была осторожная ориентация на сравнительно нейтральные общечеловеческие и общегражданские ценности, вне зависимости от национальной принадлежности гражданина Беларуси.

Отмеченные подходы к анализу белорусской идентичности характерны для начала 90-х годов минувшего столетия. Это было время неожиданно упавшей на головы белорусов политической и экономической свободы, с одной стороны, и время, требовавшее быстрого конституирования государственного суверенитета в контексте социальной стабильности и национально-культурной определенности, с другой стороны. Два десятилетия постсоветского развития Беларуси, хотя и небольшой срок, но значительно повлиявший на ситуацию с белорусской идентичностью. Любопытно взглянуть на результаты последних совместных социологических исследований Белорусского института стратегических исследований (BISS) и лаборатории аксиометрических исследований NOVAK, которые были представлены 12 октября 2009 года в Минске. Согласно полученным данным, белорусами себя считают 87% опрошенных. Критериями «белорусскости» выступают при этом территория (родился и живу в Республике Беларусь), этнос (родители белорусы) и страна (гражданин РБ). Знаменитая «тутэйшасць» также нашла отражение в опросе – около 70% отметили, что в большой или максимальной степени осознают себя «местными» (уроженцами определенного региона). За последние 5 лет усилилась «европейская» составляющая белорусской идентичности и обогнала «советскую» ее часть (11% против 16% в 2004 году и 15% против 12% по последним данным).

Для современных белорусов культурная идентификация оказалась намного более важной и ценной для национального самоопределения, чем получение гражданства. Так, на вопрос «Кого в первую очередь можно считать белорусом?» большинство от-

ветило: «Того, кто воспитан на белорусской культуре и считает ее своей» – 41,3%. Ответ «Того, кто имеет белорусское гражданство» дали 11,5% респондентов.

При преимущественно уважительном отношении к родному языку, практика его использования оставляет желать лучшего. На предложение определить свой уровень владения белорусским языком, респонденты дали такие ответы: «Читаю, понимаю разговорную речь, но плохо пишу и почти не разговариваю» – 42,7%; «Свободно владею: говорю, читаю, пишу, думаю» – 31,6%; «В основном понимаю разговорную речь, но не читаю и не разговариваю» – 22%, при этом совсем не понимают, не читают и не пишут только 2,3% опрошенных.

Проблема белорусской идентичности имеет две важнейшие составляющие. Первая из них – объективная – своими корнями уходит в глубь сложной и противоречивой истории формирования белорусского этноса, национально-культурных традиций и государственности. Четкая экспликация этно-культурных, национально-государственных, философских, политических, идеологических и других духовных и материальных артефактов этого процесса выступает основополагающим «маркером» белорусской идентичности. В качестве примера назовем период первого белорусского Возрождения (XVI– начало XVII в.), который олицетворяют такие представители отечественной гуманистической культуры как Ф. Скорина, А.Гусовский, В. Тяпинский, С. Будный, Л. Сапега, А.Волан, М. Смотрицкий и др. В течение этого периода сформировались важнейшие ценности и идеалы, составляющие основу современной духовности и национального самосознания белорусского народа. Среди них: единство общечеловеческого и национального, ренессансно-гуманистическая концепция человека, пронизанная идеей духовной свободы, верховенства закона, представительной системы власти; культурно-религиозное согласие, достижение взаимопонимания между Востоком и Западом; толерантность как одна из исторически обусловленных ментальностей культуры Беларуси; этическая доминанта философской мысли; идея развития духовной культуры на национальной, белорусской языковой основе, неприятие в духовной жизни, национально-культурной политике принуждения и насилия [1, 93-94].

Могут ли эти идеалы и ценности рассматриваться в качестве системообразующих принципов идентификации белорусской на-

ции? Ответ напрашивается, скорее, положительный, несмотря на то, что многие из них имеют универсальный характер и могут быть приложимы к ряду других национально-культурных эпох и общностей. В своей интегрально-смысловой определенности, в конкретном преломлении в общественно-политической и культурной жизни и, особенно, в их оригинальной персонифицированной заданности данные идеалы и принципы в числе других, несомненно, выступают важнейшей основой белорусской идентичности.

Историко-философский контекст поиска и интерпретации принципов и идеалов национально-культурной идентификации, естественно, имеет свои условности и границы применимости. Многие из этих идеалов, как уже подчеркивалось, носят универсальный характер (идея свободы, верховенство закона, культурно-религиозное согласие), другие – национально-специфический характер (язык, ментальность), третьи – географическую природу, четвертые – исторически преходящий смысл.

Так, в отношении свойственного белорусам гуманистического принципа толерантности, уважительного отношения к другим взглядам, идеям, мировоззренческим позициям, конфессиям, культурам можно сказать, что этот принцип, берущий свое начало со времен Древней Руси и сохранивший значение до наших дней, является результатом геополитического положения белорусов между Востоком и Западом, «результатом духовно-культурного синтеза взаимосвязи и взаимодействия этого региона с восточной и западной культурой» [1, 20].

Наиболее характерные принципы и результаты философской, общественно-политической и в целом духовно-культурной деятельности, несомненно, выступают «индикаторами» национальной идентичности, составляя лишь их часть наряду с другими возможными спецификациями – особенностями материальной культуры, социально-экономической практики, уклада жизни, быта и т.п. В условиях современного глобализирующегося мира основания национально-культурной идентификации существенно трансформируются, особенно те компоненты этих оснований, которые «оторваны» или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней и традиций. В этом смысле историко-философская и в целом историко-культурная компонента оснований национальной идентичности является наиболее устойчивой, инвариантной по отношению к современным формам развития и ассимиляции массовой культуры. Такую же устойчивость демон-

стрируют и те типы индивидуального и общественного сознания, которые обращены к истокам национальной культуры, к продуцированию, в том числе и на этой основе, смыслов и артефактов деятельности, имеющих исключительную оригинальность и самобытность.

Вторая составляющая проблемы белорусской идентичности – субъективная – относится к сфере индивидуального и общественного сознания и самосознания и определяется в значительной мере уровнем образования и воспитания, влияющим на убеждения человека. Ключевым здесь является поиск ответа на вопрос: кто мы? Из результатов названного выше социологического исследования вытекает, что самоидентификация населения Беларуси по национальному признаку уступает самоидентификации по территориальному признаку. Отвечая на вопрос «Кто я?» белорусами себя назвали 48,7 % респондентов, в то время как жителями Беларуси – 54,3 %.

Речь в данном случае следует вести не только и даже не столько об этнонациональных предпочтениях гражданина Беларуси, сколько об образе жизни и деятельности, материальной и духовной культуре нации, характере, чувствах, обычаях, мироощущении народа, прикоснувшись к которым человеку, не только белорусской национальности, но и проживающему в Беларуси, захотелось бы назвать себя белорусом. Это позволило бы преодолеть и комплекс «тутэйшасці» (принадлежности к определенному региону, местности), который в свое время критически оценивал классик белорусской литературы Я.Купала. По его мнению, именно такой подход мешал построению белорусской идентичности, которая должна быть связана с ценностями нации и национальной культуры. Тот факт, что через много лет принадлежность к конкретной земле, месту рождения, остается все так же важным для белорусов, не является случайностью.

История белорусского народа складывалась таким образом, что практически все государственные образования, которые существовали на территории Беларуси, являлись многонациональными, объединяя представителей принципиально различных цивилизаций – западной и восточной. Процесс формирования белорусской нации происходил в ситуации «между», повлиявшей на трансформацию доминирующих ценностей в результате изменений политического характера. Поэтому-то уникальной моделью построения собственной (стабильной) идентичности для

белорусского человека стало определение себя, как «человека, родившегося на этой земле».

Вместе с тем, заметной для современного процесса становления белорусской идентичности является следующая особенность: нарушение принципа «социальных эстафет», общественно-политической приемственности в историко-культурном процессе и процессе национально-государственного строительства, пробелы в образовании и воспитании компенсируются интуитивным выстраиванием типичного образа белоруса и самой белорускости, соответствовать которому хотел бы среднестатистический житель страны. Это достаточно оптимистическая тенденция, свидетельствующая об отсутствии в общественном сознании завершенного «стандарта» белорусской идентичности, но в то же время обращенная в ситуацию активного формирования национального самосознания и принципов идентификации.

Если после распада СССР главным вопросом в исследованиях белорусской идентичности был вопрос «Кто мы?», то на данный момент особую актуальность приобретает вопрос о том, какими будут белорусы в новых условиях. Культурно-историческая пограничность Беларуси – между двумя мирами, Западом и Востоком, сделала ее ареной конфликтов этих двух великих движущих сил истории и ее народ, и ее интеллектуальная элита заплатили очень дорогую цену за это особое место в театре европейской истории. Но это непростое место имело и имеет все-таки свою положительную сторону, впервые философски концептуализированную белорусским философом Игнатом Абдзираловичем. Он писал о том, что не будучи ни в один из моментов своего существования до конца инкорпорированной ни в одну из определяющих сил европейской истории, Беларусь осталась внутренне свободной от довлеющих форм социального бытия. В этой свободе, при всей невероятной исторической цене ее обретения, философ сумел распознать потенциал для будущего творческого развития белорусского народа, развития, небесполезного и для всего человечества. В 1921 году И. Абдзиралович уже отчетливо видел как судьбу коммунизма в России, обреченного влиться в жестокую бескомпромиссность восточной исторической парадигмы, так и грядущую интеллектуальную стагнацию, связанную с «духовным мяшчанствам» (духовным мещанством – *А. Л.*) Запада, где бытие человека нивелируется – в интересах социальной стабильности – дисциплиной и модой [2, с. 17].

Сегодня Беларусь включена в глобальное информационное, политическое, экономическое и культурное пространство. Можно по разному характеризовать процессы глобализации, но немало важно и то, что они часто ведут к тому, что З. Бауман обозначил как «глубокую неопределенность и «мягкость мира»: в нем всякое может случиться и все может быть сделано, но ничего не может быть сделано раз и навсегда...» [3, 115]. В этой ситуации нужно иначе взглянуть на стереотипы белорусской «тутэйшасці», на философию территориального и духовно-культурного положения Беларуси между Западом и Востоком. Взглянуть с учетом ценносцей планетарного единства, взаимодействия и взаимообогащения культур, стратегии коммуникативного партнерства. С онтологической точки зрения, граница между двумя мирами – никогда не маргиналия, в такой удвоенной пограничности ничего не сходит на нет, но соседствуя, креативно взаимодействует друг с другом. Пограничье между двумя культурно-историческими мирами может, в определенных условиях, быть тем же, чем является граница двух сторон клинка – лезвием, тем, что благодаря самой остроте порождающих его противоречий обретает не только право на собственное, уникальное, по своему смыслу, бытие, но и способность время от времени противостоять даже гордиевым узлам глобальных проблем человечества.

Можно много, и не без пользы, говорить о национальных особенностях восприятия исторического прошлого, правилах формирования дискурсов идентичности и парадигмах самопонимания и представления исторического опыта. Однако действительная и непреходящая парадигма любого конкретного опыта, парадигма всех парадигм, будь то человека, или целой нации, состоит в том, что бы заботиться о неуменьшении размеров той духовной Европы, о которой писал Джон Донн [4]. Не один народ в этом мире не должен, да и не может быть, островом.

Разумеется, идентичность любой нации возникает благодаря событиям ее минувшего, но ограничивать ее интерпретацию лишь ретроспективой – значит, не до конца ее понимать. Идентичность, как и сам народ, всегда не в меньшей мере обращены к будущему и этот перспективный план, по закону человеческого общежития, не может ограничиваться модальностью «что мы сделаем для себя». Нельзя не задаваться вопросом о том, что наш опыт может дать другим нациям, чем, каким знанием, какими выстраданными уроками, мы можем поделиться с ними. Речь идет, конечно, не

о том, чтобы провозгласить некий новый рассвет европейского человечества посредством задействия опыта стран бывшего СССР вообще и Беларуси в частности, понятно, что мы вовсе не претендуем на это. Но, в то же время, нельзя не замечать, что этот опыт, как и белорусская национально-культурная идентичность в целом, могут быть интересны и полезны далеко не только жителям нашей страны.

Литература

1. Падокшын С.А. Беларуская думка у кантэксце гісторыі і культуры. Мн., 2003.
2. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларуска-га сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Львоў : Изд-во Парахвіі св. Кірылы Тураўскага, 2007. – 37 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
4. Donne, Jh. For Whom The Bell Tolls / Jh. Donne. – Poetry X, 2003. [Электронный ресурс] / Online text. 1998-2009 Poetry X. – Режим доступа: <http://poetry.poetryx.com/poems/864/>. – Дата доступа : 22. 10. 09.